

18+

Ирина Александровна Млощина

Неизбывное
Бытие

Ирина Игошина
Неизбывное бытие

«Издательские решения»

Игошина И. А.

Неизбывное бытие / И. А. Игошина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672138-8

В книге вы найдёте стихи, созданные в период с 1977 по 2008 годы. Книга стихов, начатая автором в школьные годы, может быть интересна тем, кому близки вопросы поиска глубинных смыслов жизни, кто ищет возможность заглянуть в мир переживаний человека, остро чувствующего происходящие в мире процессы и стремящегося найти своё место в потоке бытия...

ISBN 978-5-00-672138-8

© Игошина И. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Из цикла «Я открою глаза на рассвете...»	9
«Разве виновата...»	9
«Тебе спасибо говорю...»	10
«Я вспоминаю детство: печки гул...»	11
Звёздочка	12
Г. Забировой	13
Тайна моря	14
«Ночь окутала город спешно...»	15
«Вот...»	16
Пустыня	17
«Остановись, мгновенье!..»	18
«Дождь идёт целый день...»	19
«В воде я младенцем себя ощущаю...»	20
«В просветы между рыхлой...»	21
«Снова прилетел сентябрь пёстрокрылый...»	22
«Быть может, я тебя и не люблю...»	23
«И пустило так глубоко корни дерево свои...»	24
А.С.	25
Солнечный лучик	26
«Я хочу быть слабой...»	27
Звезда	28
«Я хочу рассказать тебе, ночь...»	29
Родник	30
«Я открою глаза...»	31
«Перешагнуть черту бессмертья...»	32
Из цикла «Все поёт многоголосо!»	33
Т. Фоминых	33
Дяде Боре	34
«Стуки-стук – стучат колёса...»	35
Е. Лохтину	36
И. Лимитовской	37
«Дорога в «школу...»	38
«Тот миг...»	40
«Занавесочки голубеньки...»	41
«Расплавившись...»	42
«Печалью нагружены губы...»	43
О. Мартыновой	44
«Зелёное с белым...»	45
«Согретые улыбкой незнакомства...»	46
«Окно грязнó...»	47
«Все дни бессмысленно похожи...»	48
«Деревьев пушистые мётлы...»	49
«Опять лицо...»	50
«У нас обычный город...»	51
«Всё словно потеряло смысл...»	52

«Осыпается осень...»	53
«Я приду...»	54
«Я жду тебя ...»	55
Сказка	56
Общага	57
Кино	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Неизбывное бытие

Ирина Александровна Игошина

Редактор Татьяна Викторовна Фоминых

Иллюстратор Оксана Иосифовна Анчарова

Корректор Фарида Лябибовна Султанова

© Ирина Александровна Игошина, 2025

© Оксана Иосифовна Анчарова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-2138-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Далёкие шестидесятые... Мне недавно исполнилось шесть лет. Лето. Я у бабушки. Мама в очередной командировке. Глубокая ночь. Все спят. В свете ночной лампы, заливаясь слезами, я сижу на полу над развёрнутым рулоном старых обоев и до самого утра пишу поэму. Карандаш ломается, я беру другой, третий... Резкими порывистыми движениями неровными печатными буквами я пишу строку за строкой, зачёркивая, исправляя, но не останавливаясь, не смотря на то, что все вокруг давно спят.

Днём я впервые узнала, что существует смерть. Маленькая соседская девочка Оля, худенькая, с нежным бледным личиком, светло-голубыми глазами с белёсыми ресничками, и короткими, чуть волнистыми прядками белокурых волос, погибла под колёсами грузовика, захавшего во двор бабушкиного дома. Водитель не заметил её, когда давал заднюю...

Я сижу и пишу поэму... Я впервые столкнулась с этим злом. Я ошеломлена, но не сдаюсь. И это моя битва. И моё единственное оружие – строки, которые рождаются из этого ужаса, из моих слёз, из моего протеста... Девочка Оля ещё только должна была пойти в первый класс... Её жизнь так нелепо была прервана, а должна продолжаться!

Слова, которые я складываю в рифмующиеся строки, рождаются в моём сердце из небытия в бытие. Они пульсируют во мне словно живые и не дают смерти восторжествовать. Эти слова восстанавливают жизнь в мире, в который неожиданно ворвалась смерть. Когда в окнах забрезжил рассвет, я почувствовала, что абсолютно измождена и обессилена... Но смерть отступила.

Таким был мой первый опыт стихосложения. Потом было ещё несколько попыток, менее эмоционально наполненных, почти не оставшихся в моей памяти. Моя муза молчала, пока наконец в пятнадцатилетнем возрасте я не влюбилась. И это чувство всё вокруг окрасило такими волшебными красками, что стихи сами стали рождаться в моём сердце. Об этом мой первый цикл стихов «Я открою глаза на рассвете...». Весь этот цикл – стихи, написанные в старших классах. Они о моих мечтах, переживаниях, предчувствиях... Эти стихи немного наивны, грустны и восторженны одновременно.

Второй цикл «Всё поёт многоглаго!» объединяет стихотворения, появившиеся в студенческие годы, когда я училась на историческом факультете Уральского госуниверситета. Яркая, наполненная разнообразными событиями студенческая жизнь, общение, поездки, участие в полит-песенном движении – всё это отразилось в стихах того насыщенного впечатлениями периода моей жизни.

Частично к этому же периоду можно отнести цикл «Моя Африка» – стихи, первые из которых появились в годы студенческой жизни, а последующие были написаны немного позже. Этот цикл возник в связи с моим изучением истории национально-освободительного движения в ЮАР, знакомством с южноафриканскими студентами, учившимися в московском Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, и моим активным участием в свердловской областной «Акции солидарности с народами Южной Африки, борющимися против апартеида». Многие из этих стихов посвящены реальным молодым южноафриканцам, с которыми я общалась тогда, пережившим тюрьмы, пытки, смерть друзей, но не сломленным.

В ещё один цикл, получивший название «Мой Уралмаш», я собрала стихи разных лет, посвящённые моему родному району, где я родилась и провела свои детство и юность.

Следующий цикл «Быть или не быть?» отражает период кризиса смыслов и сложного поиска своего места в жизни, попытку философского осмысления происходящих в конце 80-х годов перемен в советском обществе. Работа в школе учителем истории приводила к ещё большему несоответствию декларируемых идей тому, что происходило вокруг, рождала внутренний разлад в душе, что нашло отражение в стихах этого периода.

Любовная лирика пронизывает всё моё творчество, но самого большого накала и драматизма достигает в двух циклах: «Восточная кровь» и «Когда судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке...» (Арс. Тарковский). Оба цикла посвящены одному человеку. И эти стихи, часто написанные на одном дыхании, рождённые в одном порыве страдающей и любящей души, были ещё одной страстной попыткой победить смерть, на этот раз – смерть любви.

Цикл «Несуществующая звезда» посвящён моим неутомимым поискам любви, метаниям, порывам, разочарованиям и поражениям, и одновременно неиссякаемой вере в то, что такая любовь в этом мире реальна и осуществима.

Последний цикл «И свет во тьме светит...», с одной стороны, сильно отличается от предыдущих и написан несколько позже, а с другой стороны, он всё о том же: о поиске и обретении истинного источника жизни, любви, красоты... и наконец бессмертия, которое так жаждала обрести маленькая девочка, впервые встретившая смерть и плачущая ночью над своими неровными строчками, написанными на рулоне старых обоев.

Не случайно весь мой сборник назван «Неизбывное бытие». Это название взято из одного из моих ранних стихотворений, вошедших в первый цикл. Ничто и никто не умирает. Бытие неизбежно. К этому маленькая девочка, решившая своими стихами противостоять, казалось бы, неизбежному небытию, приходит уже взрослой, пройдя множество испытаний и обретя веру в Бога.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

(Ин. 1: 1—5).

Из цикла «Я открою глаза на рассвете...»

«Разве виновата...»

Разве виновата
В том, что нелюбима?
Облака из ваты
Проплывают мимо.
Солнце светит ярко,
Но уже не греет,
Только листья в парке
Грустно золотеют.
Я брожу и, глядя
В небо голубое,
Не могу представить
Вместе нас с тобою.
1977

«Тебе спасибо говорю...»

Тебе спасибо говорю
За всё, чего нам не было.
Тебе спасибо говорю
За майское хмельное небо,
За первый лист, за яблонь цвет,
За глаз твоих лучистый свет,
За милые твои черты,
За то, что есть на свете ты.
1977

«Я вспоминаю детство: печки гул...»

Я вспоминаю детство: печки гул,
И запах свежих, чуть с мороза, дров,
И мамой сшитые одежды кукол,
А если ушибусь, то громкий рёв...
И эти ласковые руки, и глаза,
И голос мягкий и родной...
Но неужели навсегда
Протилась, детство, я с тобой?
1977

Звёздочка

Огонёк мерцающий,
Весело мигающий
Мне во мраке ночи,
Что ты, милый, хочешь?
Я бы тоже звёздочкой —
Лучистой точечкой —
Очень стать хотела...
На Землю б глядела!
1977

Г. Забировой

Гузя! Поведи очами,
Улыбнись, станцуем вальс!
Лишь шестнадцать за плечами,
Сколько впереди у нас!
Впереди большая жизнь,
А сегодня лишь начало.
Ты смелей ступай вперёд,
Нам страшиться не пристало.
Веселей гляди, подружка,
Солнце светит, иль метель,
И когда-нибудь старушкой
Вспомни нас и этот день.
Гузя! Поведи очами,
Улыбнись, станцуем вальс!
Лишь шестнадцать за плечами,
Сколько впереди у нас!
1977

Тайна моря

Предо мной снова плещется море.
Ветер волосы треплет мои...
На бескрайнем солёном просторе
Пролетают счастливые дни.

Море!
Тайну хранишь ты какую?
Отчего без тебя я грущу?
Волн игру и тропинку златую
Снова страстно увидеть хочу!

Эта тайна в покое и силе,
В крике чаек и бурной волне,
В необъятной лазоревой шири,
В царстве сумрачном на глубине...

И её разгадать я не в силах!
Мне бы только приблизиться к ней,
Чтобы ласковое и всесильное
Друга ты заменило мне.
1977

«Ночь окутала город спешно...»

Ночь окутала город спешно,
Лишь огни разрывают тьму.
И стараюсь опять безуспешно
Я воспеть молодую луну,
Но те строки, что я написала,
Так банальны, мелки и глупы,
Что берусь я за всё сначала,
А потом рву в досаде листки...
Но они-то совсем не повинны
В том, что стих не могу сочинить,
Чтобы этой зимою стылой
Без любви не смогли мы жить.
1977

«Вот...»

Вот
глаза бездонные
любимого человека.
А он и не знает,
что любим.
Мы даже не были с ним
никогда знакомы.
Как много хочется ему сказать!
Но губы молчат
от боязни
показаться смешной...
И я спешно прячу взгляд,
Стараясь
принять равнодушный вид,
Чтобы
переполнившее меня чувство
он не заметил.
1977

Пустыня

Вокруг пустыня. Мёртвые пески.
Ни признаков живого нет, ни жизни.
Лишь злое солнце жарит с высоты
И обжигает губы, кожу, мысли.

Но где ж колодец? Как его найти
Среди безмолвных неживых барханов?
Я заблудилась, не могу идти,
И бесполезно звать на помощь маму.

Он далеко: там, где цветут сады,
И шелестит упругая листва,
Порхают птицы и на все лады поют,
Когда я здесь едва-едва жива.

Я до колодца вряд ли добреду.
И мне не пить живительную влагу.
Я здесь в пустыне смерть свою найду,
Едва лишь от усталости прилягу.
1978

«Остановись, мгновенье!...»

«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!» —
То крик души к тому,
Что выше нас
И нашей воле,
К счастью,
Не подвластно.

Багровый шар, коснувшись моря,
Сребрит трепещущие волны,
Подобные сверкающим алмазам...
От этого далёкого костра зарделись тучки,
Что столпились, охраняя солнце...

Приветствую природу стоя...
И кажется: вдруг всё познала ты
За этот миг блаженства, и покоя,
И вечной, надо верить, красоты!

Как всё же мало совершенства
Встречаем мы среди людей!
И лишь любовь коснётся сердца,
Маня гармонией своей.
1978

«Дождь идёт целый день...»

Дождь идёт целый день.
Целый день, целый день
Льют небесные слёзы на землю.

Это плачет любовь
По тебе, по тебе,
Но никто её зову не внемлет.

Я по лужам хожу
Под дождём, под дождём,
И тебя я ищу среди прохожих.

Но, увы, среди всех,
Ты поверь, ты поверь,
Даже нет хоть немного похожих...
1978

«В воде я младенцем себя ощущаю...»

В воде я младенцем себя ощущаю.
Родная стихия ласкает любя,
И сразу заботы свои забываю,
Лишь чувствую счастье, беспечно плывя...
Вода обнимает, целует солёно
И, словно девчонка, смеётся мне вслед.
И брызги сверкают, и прыгают волны!
И кажется, нет мне шестнадцати лет!
1978

«В просветы между рыхлой...»

В просветы между рыхлой
Грязно-серой массой облаков
Пыливо глядят на Землю
Бездонные очи Вселенной.
1978

«Снова прилетел сентябрь пёстрокрылый...»

Снова прилетел сентябрь пёстрокрылый,
Всё вокруг овеяв светлую тоской.
Тихо, незаметно умирает лето,
Горько плачет небо над его судьбой.
1979

«Быть может, я тебя и не люблю...»

Быть может, я тебя и не люблю,
Но без тебя не мыслю жизнь свою.
Ты нужен мне как воздух, как вода,
Как солнце днём, а ночью как звезда.
С тобою мне спокойно и светло,
И кажется, что всё судьбой дано.
А без тебя – сплошная суета,
И жизнь течёт уныла и пуста.

Так и живу меж небом и землёй,
Всегда с тобой и всё же не с тобой.
1979

«И пустило так глубоко корни дерево свои...»

И пустило так глубоко корни дерево свои,
Что из сердца я не вырву никогда моей любви!
Но теперь не так страдаю, так как знаю:
В жизни есть пенье птиц, и звон трамвая,
И борьба за счастье есть!
Пусть любовь моя всё так же безнадежна и горька,
Но как свежий ветер мая мне она сейчас нужна!
Я расту и понимаю, что она растёт со мной
И собою обнимает весь громадный шар земной!
Да, тебя уже ей мало:
Всех людей, планету всю,
Всё, что жизнью нашей стало,
Я люблю,
 люблю,
 люблю...
Та любовь была лишь восходом,
Неокрепшим и смешным...
Стал теперь тот тонкий стебель
Сильным деревом большим.
1979

Солнечный лучик

А в моё окошко
Лучик заглянул,
Прыгнул на ладошку
И на ней уснул.
Ох, устал бедняжка!
Сделал кучу дел:
Скольких он обрадовал,
Скольких он согрел.
Не жалел ни света
Лучик, ни тепла,
И о нём повсюду
Добрая молва.
Но сейчас
Он просто
Очень хочет спать,
А моя ладошка —
Мягкая кровать.

Что ж, поспи, дружок,
Отдохни чуть-чуть...
Глядь!
Уж непоседа
Вновь пустился в путь!
1979

«Я хочу быть слабой...»

Я хочу быть слабой.
Я хочу быть сильной.
Я хочу быть бабой
И хочу женщиной.
Это слишком много!
Это очень мало!
Ждёт меня дорога,
Что вдали пропала...
За мечтою следом
В путь пускаюсь смело —
Быть бы человеком,
Сделать б много дела!
1979

Звезда

В жизни моей непутёвой, нескладной,
Светит звезда мне и ночью, и днём.
Только б не гасла живая лампада,
Только горела бы добрым огнём!
«Только не гасни! – я повторяю. —
Если умрёшь, свет умрёт и во мне!»
Вспыхнешь ты ярко, и я запылаю,
Таешь вдали – сразу холодно мне.
Светом одним эту жизнь освещаем,
Жаром одним согреваем людей.
Так же, как ты, я звездой сгораю,
Только б поярче, погорячей!
1979

Родник

Да, я родник, сокрытый от людей.
Живу в тиши и чистоту храню.
И спрятан я среди больших камней,
Чтоб не мутили воду все мою.
Я часа жду, когда придёт один,
Раздвинет ветви, камни уберёт,
И к бьющейся в волнении воде
Губами жаждущими припадёт...
Но дни проходят, также в тишине
Храню я чистоту лишь для себя,
А тот единственный всё не идёт ко мне,
И крепко заперта тюрьма моя.
«Приди, открой...», но тонет лепет мой
За каменной безжизненной стеной.
1979

«Я открою глаза...»

Я открою глаза
на рассвете,
И навстречу мне
мир распахнётся.
Как желанную гостью он встретит,
Материнскую грудь прижмётся.
Я гляжу с удивленьем
на солнце,
Я гляжу с удивленьем
на небо,
Я гляжу с удивленьем
на маму,
Ощущая тепло нежных рук...

Я
комочек в пространстве безмерном,
И оно
подарило мне счастье
неизбывного бытия.
Этот воздух,
который вдыхаю,
Эти звуки,
которые слышу,
Свет,
который
я всё-таки вижу...
Это всё
для меня!
Для меня!
1979

Из цикла «Все поёт многоголосо!»

Т. Фоминых

Я вижу лебедь белую...
О! Как неописуемо она прекрасна!
Но влажный взгляд её печальных глаз
Меня пронзает болью:
Как несчастна
Ты, белоснежная красавица моя,
Навек обречена на этот пруд.
Тебя же манит неба глубина,
И страны дальние тебя зовут.
И гордый лебедь неизменно ждёт
Свою любимую в далёкой стороне.
Но злой колдун тебя околдовал,
И ты в бессильи бьёшься на воде...

Настанет день, когда ослабнут чары,
И ты, взмахнув крылами, взмоешь ввысь!
1981

Дяде Боре

Бессонная ночь
 наполнена болью,
Что пульсирует жилкой
 под пальцем моим.
А губы бессильно:
 «Только не скорую!
Может, поможет ещё панангин?»
Страх перед скорой и перед больницей
Мне так понятен и так знаком.
Но что же делать?
 И мне не спится.
Видимо, боль прогоняет сон.
В тёмной ночи
 машины урчащие —
Мимо проносится чья-то жизнь...
У нас же
 текут
 тишиной звенящие,
Болью
 наполненные часы.
1980

«Стуки-стук – стучат колёса...»

Стуки-стук – стучат колёса.
Также мысли скачут в нас:
Прилетают незаметно,
Покидают, не простясь.

Темнота мгновенно скроет
За окошком мир Земли,
И почудится, что к звёздам
Мчатся чудо-корабли.

Вот и звёзды замерцают
И растают вдалеке,
Деревенская, простая
Жизнь напомнит о себе.

Может, под такой звездой
За столом сидит семья,
И неспешный сам собою
Разговор течёт шутя.

Пусть обычных неурядиц
Было в той семье сполна,
Но в спокойный зимний вечер
Тихо счастлива она.

Муж усталый нежно
Гладит по головке малыша,
А жена несёт добавку:
Больно каша хороша!

Эта жизнь без нас вершится,
Звёзды ж – целые миры,
Только мимо них промчимся
В цепких лапах темноты.
1980

И. Лимитовской

Нет ничего мудрее детских глаз,
Когда порой глядят они на нас,
А видят, кажется, весь мир,
Вселенную,
От сотворения до гибели Земли,
И потрясают истиной нетленной
Слова, произнесённые детьми!

Крепка та пуповина, что питает
Их соками праматери людей!
История в них будто оживает
В исходной первозданности своей.

И этими озёрными глазами
Глядят на мир Радищев и Рублёв,
Монгол, впервые оседлавший пламя,
Оратай русских заливных лугов...

И жизнь продлится в этом ясном взгляде
На новый, изменяющийся мир!
Их веру в счастье нам не расплескать бы
И передать бы бережно другим!
1980

«Дорога в «школу...»

Дорога в «школу».
Серая тропинка
На старом издыхающем снегу...
Вот магазин,
 замёрзшая помойка,
Я площадью к троллейбусу бегу...
Нагруженная «тройка»
 плавно мчится,
Молчит понуро
 полусонный люд,
Дверь заворчавши
 сможет открыться,
Зато закрыть её —
 нелёгкий труд!
Неджентельменом
 у окна мальчишка
Сидит и озирается кругом,
Старушка с разморщившимся ликом
Грустит о невозвратно прожитом...
Солдата грубая шинель сереет —
Я чувствую его прицельный взгляд...
Ресницами прикроюсь поскорее:
«Не надо!
 Не смущай меня, солдат!»

По улице ожившей катим дальше,
Подпрыгивая мягко и легко,
Ругаемся,
 благодарим без фальши,
А то витаем где-то далеко...

Как всё знакомо!
 Но не надоели
Букеты человеческих судеб!
И оживают лица...
Так
 в апреле
 начнут в лесу
Подснежники расцвет!

На остановке вытолкнушь проворно,
Но опоздаю в университет
И в коридоре тихом и просторном
Открою недописанный конспект.
1980

«Тот миг...»

Тот миг
Казался мне лучистым
От лампы тускло-золотой.
Сквозь невидь
Взгляд сквозил речистый,
Не затуманенный игрой...
А с губ слова уже слетали
Привычной гладкой чередой
И, умирая, застывали,
Повиснув в комнате пустой...
Тот миг
Сейчас преследует меня,
И если где-то всё же догоняет,
То вновь под лампой тусклого огня
Во мне далёкие глаза
Сияют.
1981

«Занавесочки голубеньки...»

Занавесочки голубеньки,
Только небо голубей,
Много мальчиков хорошеньких,
Только миленький милей!

Убралась фатой ажурною,
Заневестилась Зима,
Но Весна – девчонка смелая,
Все одёжки сорвала.

Кружит головы бесстыдница,
Взором огненным пьянит,
И чарующей улыбкою
Снова счастье сулит.
1981

«Расплавившись...»

Расплавившись,
на мир
прольётся солнце:
Лучистый дождь
забрызгает носы.
Коварный «вирус»
хитро улыбнётся —
Начнётся
«эпидемия весны!»

Сквозь щёлки глаз
пробьётся лучик солнца,
Шальную ширь улыбки не сдержать...
Привычный мир,
кряхтя,
перевернётся,
И всё придётся снова открывать!
1981

«Печалью нагружены губы...»

Печалью нагружены губы,
Болит голова от обид,
И бродишь ненужно повсюду
Не весел, да и не сердит...
И правит тобой безразличье,
И даже не веришь порой,
Что несколько дней безгранично
Жил полубезумной мечтой,
Что солнце победно смеялось,
Рыдал опостылевший снег,
Душа, как птенец, оперялась,
В мечту начиная разбег.
1981

О. Мартиновой

Восьмое Марта.

Крепенький морозец.
Потрескивает снег под каблучком.
И тучек разлохмаченный народец
Пытается укутать неба склон.

Как доброе вино
 пьянит нас дружба!
Чем дольше выдержка,
 тем крепче и хмельней!
И будь бессрочна
 этой жизни служба,
Мне всё же
 не найти друзей верней!

Ты предо мною в кружевных оборках,
И нимбом озарён мадонны лик.
Лианами красивых рук проворно
Ты наливаешь чай мне в этот миг.

Поёт шампанское на грациозной ножке...
Грустя о прошлом, будущего ждём.
И всё шагаем ровною дорожкой,
Где каждый столб и камушек знаком...

А может быть, и нам
 по бездорожью,
Оставив слабым
 святость и покой,
Бежать бегом,
 ползти ползком,
 и всё же
Ночь уколоть
 ещё одной
 звездой!

Пылают апельсиновые корки,
Давно произнесён последний тост,
Пластинка доиграла и замолкла...
Но всё
 я уношу с собой
 в мороз.

1981

«Согретые улыбкой незнакомства...»

Согретые улыбкой незнакомства
Порой надолго сердце озарят,
И радостью крылатой отзовется
Молчанья говорящий перегляд.

Слова же все захватаны другими,
И их трепьё – завеса для очей.
К чему они? Как фантики пустые,
Они забава лишь для малышей!

Поверив золотиночным сверканьям,
Мы вскоре убеждаемся всегда,
Что первый взгляд, предвидя всё заранее,
О каждом без утайки рассказал.

Но та полусознательная честность,
Присущая сейчас одним глазам,
Возможно, устремится в бесконечность
К неискренне слетающим словам!
1981

«Окно грязно...»

Окно грязно.
Но жизнь ясна.
Зачем же смотрим из окна?
В нём день бессмысленен и сер,
А человек – известный зверь...
И снег
Обуглился, облез
Под грязной тряпкою небес.
Даль беспросветна и страшна,
Когда мы смотрим из окна...

Разбить
Постылое стекло!
Чтоб стало чисто и светло.
Пусть
Кровь осколками звенит,
Но ветер порывистый
Влетит,
Всё
Перетормошит вверх дном
В дому, запущенно пустом,
И воздух, солнцем опьянив,
Безмерно весел и болтлив,
Он влюбит нас
И в наши дни,
Чтоб светом наполнились они,
Чтоб людям этот свет несли.
1981

«Все дни бессмысленно похожи...»

Все дни бессмысленно похожи,
Как будто братья-близнецы...
Хотя одни из них погожи,
Другие – так себе деньцы,
А третьи беспросветной тенью
Накроют сердце тяжело...
В них всё равно одно горенье
И невезение одно,
Неуспеванье,
Уставанье
И доползание едва
До охлаждающей подушки,
Которой жаждет голова.

И лишь под занавес прощальный
Из забыванья темноты
Блеснёт
Уже полуреально
Свет
Невозможной чистоты.
1981

«Деревьев пушистые мётлы...»

Деревьев пушистые мётлы
Землю утыкали густо...
– Попробуй-ка их сосчитай!

– Да лопнет любое терпенье!

Машины улицей мчатся,
Как заводные игрушки...
– Попробуй-ка их сосчитай!

– Да лопнет любое терпенье!

Люди спешат и толпятся,
С тенью заботы на лицах...
– Попробуй-ка их сосчитай!

– Да лопнет любое терпенье!

Но жить на огромной Земле
Смогу, если будут во мне
Все люди, машины, деревья...
1981

«ОПЯТЬ ЛИЦО...»

Опять лицо,
да даже не лицо,
А маска безобразного уroda,
Явившаяся мне в толпе народа,
За мною неотступная бредёт,
Петлём незримою меня душа...

И корчится в страданиях душа,
И песня возникает не спеша...
1981

«У нас обычный город...»

У нас обычный город,
Разумный и убогий,
Где гнутся тротуары
От крепостей-домов,
Везде снуют машины,
И толпы, толпы, толпы
Не знающих друг друга
Талантливых дельцов.
1981

«Всё словно потеряло смысл...»

Всё словно потеряло смысл.
И этот снег, и ветер южный,
Луны фальшивой свет натужный,
Друзья, учёба и стихи...
Всё словно потеряло смысл...

Быть может, это бродят гены
В моей телесной полутьме,
И «чудо белое» явилось
Совсем не мне, совсем не мне!

Как всё внезапно озарилось
Первоначально белизной,
Когда его лицо склонилось
Впервые робко надо мной.

Сейчас оно вдали мерцает,
Как будто не было и нет.
Меня едва ли достигает
Его чистейший белый свет,

Живу, дышу,
Вот только,
Словно
Какой-то мучает недуг.
Всё
Так бессмысленно,
Условно,
Так зыбко и мертво вокруг.
1981

«Осыпается осень...»

Осыпается осень
Грудой жёлтых огней,
Осыпается радость
Летних солнечных дней.
Оголяются ветви
В прояснённой тиши.
Оголяются нервы —
Не ленись и пиши.
1981

«Я приду...»

Я приду.
На меня поднимешь
Свой усталый и добрый взгляд.
Я скажу: «Шла случайно мимо.
Скоро Новый год, говорят...»
Я скажу, а ты не услышишь
Безысходности в этих словах,
Но, наверное, всё увидишь
В не умеющих лгать глазах.
1981

«Я жду тебя ...»

Я жду тебя —
Приходят же другие...
Степенно так,
Раздевшись в коридоре,
Они проходят в комнату мою.
Я тихо разговариваю с ними,
Пою их чаем и кормлю салатом.
И сердце
Возвращается на место,
С которого оно упало сразу,
Лишь только этот тихий стук раздался.
Вдруг показалось —
Ты стоишь за дверью.
1982

Сказка

Как зловещи над городом старым
Клубы дыма из чёрной трубы,
Пожирающие неустанно
Неба утренние мольбы.

Солнце мечется в чёрной пасти...
Не спасти мне его, не спасти!
Брошусь следом в порыве страсти,
Но увы, задохнусь в пути.

Будет долго шептать старуха:
«В наши дни был иным рассвет.
Вы вспорите чудовищу брюхо,
Чтоб уверовать в солнечный свет».

Это сказкою станет напевной
Тем, кто солнца не знал вовек,
Но найдётся дурак блаженный!
Он поверит в старушечий бред.

И с чудовищем чёрным сразится,
Вспорет жирное брюхо его,
Чтобы небо смогло отмыться,
Чтобы Солнце сошло на него.

Заиграет румянец на лицах
Помертвевых больных городов,
Что-то новое в людях родится,
Закипит их остывшая кровь.
1982

Общага

Общага серая —
Обитель не на год.
Кастрюльный звяк и хохот в коридоре,
Навязнувший в ушах диско-полёт,
Бессонье праздничных студенческих застолий,
Анабиоз заиндевелых снов,
Поутру ртов сладчайшая зевота
И переключка сотен каблучков,
Спирающих по лестничным пролётам,
Улыбок вспышки,
Беглые «привет»,
Мужские звонкие руковстречанья,
Девчачий щебет, горечь сигарет,
Оставшихся блаженство досыпанья.
Людей, выплёвывающая дверь,
Всех на учение «благословляет»
И взвизгивает преданным щенком,
Когда соскучившись, их вечером встречает.
1982

Кино

А простыня окошка моего —
Экран для фильма
«Небо. Небо. Небо».
На много лет запущено **Кино**,
Но тайный смысл лишь только мне и ведом.
Сюжет не нов – деревья, облака,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.